

М. Г. Селезнев, А. В. Шелушпанов

**К ВОПРОСУ ОБ ЭСХАТОЛОГИИ В ГРЕЧЕСКОЙ ПСАЛТИРИ:
дискуссия о значении подзаголовка εἰς τὸ τέλος**

Статья посвящена недавней дискуссии между исследователями Септуагинты о значении выражения εἰς τὸ τέλος в подзаголовках греческой Псалтири. В еврейской Псалтири подзаголовки такого рода являются указаниями о том, как следует исполнять данный псалом, и используют особую музыкальную терминологию. Переводчики Псалтири на греческий язык были незнакомы с этой терминологией, что привело к появлению в подзаголовках греческой Псалтири ряда загадочных выражений. Отцы Церкви интерпретировали некоторые из этих выражений (в том числе εἰς τὸ τέλος) в эсхатологическом ключе. Но имели ли это в виду сами переводчики? Или эсхатологическая интерпретация является позднейшим феноменом и не имеет отношения к тому, о чем думали переводчики?

Анализ того, как используется слово τέλος в Септуагинте и в целом в иудеоэллинистической литературе скорее говорит против предположения о том, что переводчики изначально имели в виду эсхатологическую интерпретацию выражения εἰς τὸ τέλος.

Ключевые слова: Библия, Септуагинта, еврейский язык, греческий язык, перевод, эсхатология, Псалтирь

Большинство псалмов еврейской Библии предваряется кратким подзаголовком. Эти подзаголовки иногда отмечают авторство псалма («псалом Давида», «псалом сынов Кореовых» и т. д.), иногда соотносят его с каким-то эпизодом из жизни Давида, иногда содержат указания касательно его исполнения. Эти указания нам уже по большей части малопонятны. Вероятно, какие-то из них содержат названия музыкальных орудий. Какие-то, возможно, цитируют песнопение, задающее мотив для данного псалма (так в православных богослужебных книгах песнопение может предваряться заметкой типа «Подобен: Дому Иосифов», что означает «Петь на мотив песнопения «Дому Иосифов»»). Поскольку песнопения-образцы до нас не дошли, а древнееврейские названия музыкальных инструментов неясны, смысл такого рода подзаголовков весьма спорен. Очевидно, уже переводчики Псалтири на греческий язык не понимали их, поэтому в греческой Библии эти подзаголовки приобрели совершенно загадочный вид (напр., «в конец, о точилах, псалом Дави-

да»). Впоследствии, уже христианскими экзегетами, эти загадочные подзаголовки были интерпретированы аллегорически.

Или, быть может, – как полагают некоторые исследователи – аллегорический смысл был заложен в подзаголовки псалмов уже самими толковниками? Ответ на этот вопрос важен для нашего понимания и переводческих принципов Септуагинты, и ее теологии, и религиозных идей той среды, в которой Септуагинта создавалась.

Одно из самых частых выражений в подзаголовках еврейской Псалтири (около 55 раз) – *lamnaṣṣeah*. Еврейская традиция, а вслед за ней и большинство современных переводов понимают его как «начальствующему» (евр. *menaṣṣeah*), т.е. «начальнику хора». Ср. толкование Раши на Пс 4: 1, где впервые в Псалтири встречается это выражение: «Этот псалом сложил Давид, чтобы его произносили левиты; «начальствующий» (*menaṣṣeah*) – над музыкой, над пением на подмостках; слово *niṣṣuah* означает поставленных над работой, как в том месте, где сказано: «назначили левитов, от двадцати лет и старше, руководить (*lenaṣṣeah*) строительством храма Господнего» (Ездра 3:7)» (Gruber 2007: 812, 185).

На греческий язык евр. *lamnaṣṣeah* везде, где оно встречается в подзаголовках Псалтири, было переведено словами εἰς τὸ τέλος. Очевидно, греческий переводчик подзаголовков к псалмам понимал евр. *lamnaṣṣeah* как связанное с существительным *neṣah* «длительность, вечность, успех, слава». Евр. выражение (*la*)*neṣah* в Септуагинте стандартно передается греческим εἰς τέλος (по нашим подсчетам – почти 20 раз в тексте псалмов, трижды в Иове, один раз у Аввакума). По аналогии с передачей (*la*)*neṣah* через εἰς τέλος – *lamnaṣṣeah* передается через εἰς τὸ τέλος (обратим внимание на разницу в артикле). Что, однако, имел в виду переводчик? Какой смысл вкладывал он в эти слова?

Отцы Церкви интерпретировали εἰς τὸ τέλος в эсхатологическом смысле – как относящее содержание соответствующих псалмов к «концу» (τέλος) земной истории. Имелось ли это в виду самими переводчиками? Если да – мы вправе предположить, что та иудеоэллинистическая среда, в которой происходил перевод Псалтири на греческий язык, характеризовалась весьма живыми эсхатологическими чаяниями, наподобие кумранской общины или раннехристианской общины. Но так ли это?

Дискуссия о богословии Септуагинты вспыхнула с новой силой в последнее десятилетие. Катализатором этой волны интереса к Септуагинте послужили ее новые переводы на английский и немецкий языки, появившиеся в последние пятнадцать лет¹. В работе Мартина Рёзеля (одного из соавторов «немецкой Септуагинты»), специально посвященной подзаголовкам псалмов в греческой Библии, на заданный выше вопрос был дан положительный ответ (Rösel 2001: 137–139).

По мнению Рёзеля, греч. εἰς τὸ τέλος (как перевод евр. *lamnaṣṣeah* в подзаголовках псалмов) имеет временное измерение, а слово τέλος в этом выражении осмысленно переводить, как «конец» (Ende), имея в виду «конец времен». Несомненно, что слово τέλος имеет эсхатологические коннотации в Новом Завете и у Отцов Церкви, но Рёзель предполагает, что эти эсхатологические коннотации появились уже в самом греческом переводе Псалтири. В пользу такого понимания, как он считает, говорит целый ряд аргументов.

Во-первых, наличие в подзаголовках артикля, подразумевающего некий *определенный* конец.

Во-вторых, параллелизм между εἰς τέλος и εἰς τὸν αἰῶνα (εἰς τοὺς αἰῶνας) в тексте Пс 9: 19; 77 (76): 8–9; 103 (102): 9.

В-третьих, наличие в Септуагинте мест, где τέλος, по мнению Рёзеля, «однозначно обозначает конец времен» (Иез 15: 4–5; 20: 40; 36: 10; Дан 3: 34).

В-четвертых, греческий перевод подзаголовка к Пс 30 (29). Еврейский подзаголовок псалма звучит просто *mizmor šir-ḥanukkat habbayit ledawid* («Псалом. Песнь обновления храма. Давидов»). В Септуагинте в состав подзаголовка включено выражение εἰς τὸ τέλος, не имеющее прообраза в имеющихся у нас еврейских текстах: εἰς τὸ τέλος ψαλμὸς ᾠδῆς τοῦ ἐγκαινισμοῦ τοῦ οἴκου τῷ Δαυὶδ. По мнению Рёзеля «Песнь обновления храма» во второй половине 2 в. до н. э. (предположительное время появления греческого перевода Псалтири) могла пониматься иудеями лишь как отсылка к очищению храма после его осквернения при Антиохе Эпифане. Эсхатологическое восприятие этих событий засвидетельствовано в книге Даниила. Если только не предполагать здесь случайного совпадения, пишет Рёзель, то

¹ A New English Translation of the Septuagint and the Other Greek Translations Traditionally Included under That Title, Oxford 2007. Septuaginta Deutsch. Das griechische Alte Testament in deutscher Übersetzung. Stuttgart 2009.

добавление выражения εἰς τὸ τέλος к «эсхатологическому» подзаголовку Пс 30(29) свидетельствует об «эсхатологическом» восприятии этого выражения добавившими его греческими переводчиками.

Такая интерпретация Септуагинты влечет за собой, как мы уже говорили, далеко идущие выводы касательно религиозной атмосферы в среде, где создавалась греческая Псалтирь. Если интерпретация Рёзеля верна, то творцы греческой Псалтири (в отличие от авторов еврейской Псалтири) относили содержание свыше полусотни псалмов к событиям «последнего времени».

С критикой Рёзеля выступил Альберт Питерсма, главный редактор нового перевода Септуагинты на английский язык (Pietersma 2005: 468–71; Pietersma 2006: 42–44). В этой дискуссии, несомненно, отражаются некоторые базовые методологические отличия между разными школами исследователей Септуагинты. Представители немецкой и французской школ, как правило, исходят из общего культурного контекста Септуагинты и нередко берут в качестве отправной точки для своего анализа истолкование текста Септуагинты в последующей традиции. Питерсма и его коллеги полагают, напротив, что анализ Септуагинты должен начинаться на уровне слов. Такая позиция характерна для англосаксонских исследователей Септуагинты, а также для (довольно яркой и представительной) «финской школы».

По мнению Питерсмсы, Септуагинта является своего рода интерлинеаром к еврейской Библии: переводчики стремились к передаче еврейского текста, слово за слово, с помощью системы стандартных эквивалентов. Говорить же о какой-то экзегезе переводчика, – тем более о теологически мотивированной экзегезе, – можно лишь там, где переводчик отступает от использования этих стандартных эквивалентов.

Свою критику Питерсма начинает с анализа того, как переводятся слова с корнем *nšh* в Септуагинте за пределами Псалтири. Его статистика такова: 5 раз εἰς τὸ τέλος (Питерсма переводит это выражение «полностью» («completely») – Авв 1: 4; Иов 4: 20; 14: 20; 20: 7; 23: 7); 5 раз εἰς ἕλκος («победоносно» – 2 Царств 2: 26; Иер 3: 5; Ам 1: 11, 8: 7; Плач 5: 20); τοῦ νικῆσαι («победить» – Авв 3: 19); ἡ νίκη («победа» – 1 Пар 29: 11); ἰσχύω («осиливать» – Иса: 8), κατισχύω («осиливать» – Иер 15: 18), ἐνισχύω («осиливать» – 1 Пар

15:21), ἐργοδιώκτης («руководитель работ» – 1 Пар 23: 4, 2 Пар 2: 17), ἐπισκοπέω («надзирать, руководить» – 2 Пар 34: 12).

Питерсма обращает особое внимание на то, что, когда греческий переводчик пытается передать временной компонент семантики евр. *nšh*, он никогда не использует слово τέλος, но всегда употребляет другие слова и обороты: εἰς τὸν αἰῶνα (Иса 28: 28; Иер 27 [50]: 39); εἰς τὸν αἰῶνα χρόνον (Иса 13: 20, 33: 20); χρόνον πολύν (Иса 34: 10); διὰ παντός (Иса 57: 16); ἔτι (Иов 34: 36).

В тексте псалмов, по мнению Питерсмы, выражение *lanešah* (регулярно передающееся как εἰς τέλος) также не обязательно имеет строго временное значение. Единственный случай, когда (в силу однозначно временного значения евр. предлога 'ad) можно говорить об однозначно временном значении существительного *nešah* – Пс. 49 [48]: 20 ('ad-nešah). Однако именно здесь в греческом переводе мы видим не εἰς τέλος, а ἕως αἰῶνος! Это, скорее, указывает на то, что слово τέλος не понималось переводчиком псалмов как имеющее временное значение.

Что касается указания Рёзеля на параллелизм между εἰς τέλος и εἰς τὸν αἰῶνα (αἰῶνας) в тексте Пс 9: 19; 77 (76): 8–9; 103 (102): 9, Питерсма замечает (вполне справедливо), что параллелизм не обязательно имплицитно синонимичен.

Рёзель в поисках ключа к Септуагинте обращается к Новому Завету и Отцам Церкви, а Питерсма, напротив, – к литературе, предшествовавшей или одновременной с переводом Псалтири на греческий. Он отмечает, что в не-философской классической и эллинистической литературе греч. τέλος как существительное чаще всего значит просто «следствие» (реальное или логическое); в адвербиальном употреблении – «в результате» или «полностью, окончательно». Полибий, отмечает Питерсма, регулярно употребляет слово τέλος без каких бы то ни было эсхатологических обертонов.

Что касается артикля в подзаголовке, не факт, что он был проставлен по правилам греческого языка. Более того – вообще необязательно считать, что его простановка мотивирована какими-то семантическими моментами. Питерсма указывает на такой феномен переводческой техники Септуагинты, как стремление к изоморфизму: желание передать не просто каждое слово еврейского языка отдельным словом греческого языка, но каждую морфему еврейского языка отдельной морфемой греческого языка (пусть даже эти морфемы выполняют разные функции).

Исходя из принципа изоморфизма, предполагает Питерсма, греческий переводчик подзаголовков к псалмам, на основании уже устоявшегося равенства *lanešah* (לַנֶּשֶׁחַ) = εἰς τέλος, конструирует новое равенство *lamnaššeah* (לַמְנַשֶּׁחַ) = εἰς τὸ τέλος.

Итог исследования Питерсмы таков: эсхатологическое прочтение подзаголовков греческой Псалтири несомненно для истории ее интерпретации, но ни имеет отношения к тому, о чем думали сами переводчики в момент перевода псалмов на греческий.

Краткий ответ Рёзеля на критику Питерсмы дан в Rösel 2006 (р. 250 п. 40). Отметив уже упоминавшуюся нами разницу в исходном подходе («he is focussing on the single word as the bearer of the meaning, while I would always include the immediate context of the word in question to determine its meaning»), Рёзель пишет: «Наблюдение Питерсмы, что в не-философской классической и эллинистической литературе греч. τέλος не имеет эсхатологических коннотаций ничего не доказывает, поскольку греческий язык Псалмов в Септуагинте должен рассматриваться в контексте грекоязычного иудаизма того времени». Без ответа, по мнению Рёзеля, остаются также вопросы, о каком конкретном τέλος говорит переводчик, употребляя определенный артикль, а также чем объяснить появление εἰς τὸ τέλος в подзаголовке Пс 30 (29).

Хотя спор касается значения одного-единственного слова в подзаголовках к псалмам, речь идет о теме довольно серьезной (поскольку от того, как мы представляем себе историю древнееврейской эсхатологии, зависит, например, наше понимание генезиса христианства). Несомненно, было бы желательно проследить аргументацию pro et contra с привлечением большего количества деталей. Статистика Питерсмы, в целом, дает адекватную картину, но она неполна и, кроме того, в ней есть неточности (напр. в Септуагинте Иов 4: 20 *lanešah* на самом деле – вопреки данным, которые приводит Питерсма – оставлено без перевода; даже критическое издание Ziegler 1982 не знает здесь разночтений).

В настоящей статье мы сосредоточимся лишь на одном аспекте данного спора. Из возражений Рёзеля Питерсме наиболее серьезным, несомненно, является то, что язык греческих псалмов должен рассматриваться в контексте грекоязычного иудаизма того времени, а не классической греческой литературы

(Полибия и др.). Именно к этому моменту – значение τέλος в контексте иудеоэллинистической литературы – мы и обратимся.

Питерсма (см. выше) рассмотрел все случаи, где слово τέλος употребляется в Септуагинте для перевода еврейских слов с корнем *nšh*. Однако вне поля его зрения остались те места Септуагинты, в которых выражение εἰς τέλος соответствует каким-то другим еврейским словам. Меж тем, именно к числу таких мест относятся те стихи Септуагинты, где τέλος, по мнению Рёзеля (Rösel 2001: 137–139), «однозначно обозначает конец времен» (Иез 15:5; 20:40; 36:10; Дан 3:34). С этих стихов мы и начнем наш анализ.

Иез 15: 2–5 (перевод с еврейского)²

- (2) Сын человеческий!
Разве древесина виноградной лозы лучше любой древесины?
Разве ветвь виноградной лозы лучше деревьев лесных?
- (3) Разве возьмут ее, чтобы на что-нибудь использовать?
Хотя б на то, чтобы сделать крюк и что-то повесить?
- (4) Вот, отдали ее на съедение огню,
оба конца пожрал огонь, и середина обуглилась.
Может ли она теперь согнуться хоть на что-нибудь?
- (5) Когда была она цела – ни на что не годилась.
Тем более теперь, когда огонь ее пожрал и она обуглилась –
на что она годна?

Греческий перевод этих стихов местами далек от еврейского оригинала. Слова Иез 15: 4 רָבַח וְהוֹכִיחַ אֶת־הַלְּבָבִים וְיִשְׂפֹּט אֶת־הָאֵשׁ («оба конца пожрал огонь и середина обуглилась») переведены на греческий τὴν κατ' ἐνιαυτὸν κάθαρσιν ἀπ' αὐτῆς ἀναλίσκει τὸ πῦρ καὶ ἐκλείπει εἰς τέλος («годовое очищение от нее уничтожает огонь и она погибла в конец»). Очевидно, образ ветки, которая сгорает с обоих концов, так что остается лишь обугленная середина, не был понят переводчиком. Евр. וְיִשְׂפֹּט было интерпретировано им не как «оба», а как «годы» (в евр. это омонимы и омографы). Евр. אֶת־הַלְּבָבִים («пожрал огонь», прош. вр.) было прочитано как «пожирал огонь» (наст. вр., разница между формами видна лишь в огласованном тексте). В остальном, как кажется, переводчик положился на общий смысл контекста.

² Переводы библейских текстов принадлежат М. Г. Селезневу.

В следующем стихе слова 15: 5 אֶף כִּי־אֵשׁ אֶכְלְתָהּוּ וַיִּקְרַח («когда огонь ее пожрал и она обуглилась») переведены на греческий ὅτι ἐάν καὶ πῦρ αὐτὸ ἀναλώσῃ εἰς τέλος («если и огонь ее уничтожил в конец»).

В обоих случаях в греческом переводе выражение εἰς τέλος означает «в конец, полностью». Никакого временного (тем более, эсхатологического) значения здесь нет. Конечно, притча рассказана Иезекиилем для того, чтобы сделать наглядной грядущую судьбу Иерусалима, а это некоторым образом эсхатологическое событие. Но эти метафорические смыслы находятся *вне* притчи, а не *внутри* ее.

Иез 20: 40а

כִּי בְהַר־קְדְּשֵׁי בְּהָרוֹ מְרוֹם יִשְׂרָאֵל
נֶאֱמַר אֲדַבְּרֵי יְהוָה
וְשָׁם יַעֲבֹדֵנִי כָּל־בֵּית יִשְׂרָאֵל כָּל־הָאָרֶץ

«Ибо на горе святой Моей, на высокой горе Израиля,
– говорит Господь Яхве, –
там будет служить Мне весь дом Израилев, весь, в стране»

διότι ἐπὶ τοῦ ὄρους τοῦ ἁγίου μου ἐπ’ ὄρους ὑψηλοῦ
λέγει κύριος κύριος
ἐκεῖ δουλεύουσίν μοι πᾶς οἶκος Ἰσραὴλ εἰς τέλος

«Ибо на горе святой Моей, на высокой горе,
– говорит Господь Господь, –
там будет служить Мне весь дом Израилев, полностью»

В данном случае перевод можно считать почти пословным. Тем более бросается в глаза опущение в первой строке слова «Израиль» («высокая гора Израиля», т. е. Сион, становится просто «горой») и опущение в третьей строке слов «в стране» (т. е. речь уже не идет именно про Палестину). Возможно, эти опущения не случайны, а служат для того, чтобы не слишком привязывать обетование Божье к конкретной стране.

Нас, однако, больше интересует перевод евр. כָּל־הָאָרֶץ ‘весь’ греческим εἰς τέλος. Греческий текст, взятый в отрыве от еврейского, может, конечно, пониматься так, что εἰς τέλος ‘в конец’ имеет временное и, возможно даже, эсхатологическое значение. Но ведь переводчик-то подбирал эквивалент еврейскому כָּל־הָאָרֶץ ‘весь’! Единственный аспект, в котором семантические поля, связанные с евр. כָּל־הָאָרֶץ и греч. εἰς τέλος, могут пересекаться – не

временной аспект, а аспект полноты, завершенности («полностью»).

Иез 36: 10а

הַרְבֵּיתִי עַלְיְכֶם אָדָם כָּל־בֵּית יִשְׂרָאֵל כֹּל־הַ

(обращение Бога к горам Израильским)

«Я умножу число людей на вас – [это будет] весь дом Израилев, весь!»

καὶ πληθυνῶ ἐφ' ὑμᾶς ἀνθρώπους πᾶν οἶκον Ἰσραὴλ εἰς τέλος

‘Я умножу число людей на вас – [это будет] весь дом Израилев, полностью’.

Место очень похоже на разобранный выше. Можно даже предположить, что при переводе Иез 36: 10 переводчик опирался на Иез 20: 40 как на прецедент. На наш взгляд, здесь также имеет смысл понимать и переводить εἰς τέλος как «полностью».

Дан 3: 34

Это место относится к «молитве Азарии», которая отсутствует в еврейском тексте книги Даниила (возможно, у нее был семитский оригинал, но до нас дошли только греческие переводы). Греческий текст книги Даниила дошел до нас в двух разных версиях, которые принято называть «версией Септуагинты» и «версией Феодотиона».

В «молитве Азарии» отличия между версиями незначительны.

«Версия Септуагинты»: μὴ παραδῶς ἡμᾶς εἰς τέλος διὰ τὸ ὄνομά σου καὶ μὴ διασκεδάσης σου τὴν διαθήκην.

«Версия Феодотиона»: μὴ δὴ παραδῶς ἡμᾶς εἰς τέλος διὰ τὸ ὄνομά σου καὶ μὴ διασκεδάσης τὴν διαθήκην σου.

Смысл обеих версий тождественен: «Не предай нас в конец, ради имени Твоего, не расторгни завета Своего!»

Это покаянная молитва от лица иудеев, оказавшихся в плену после падения Иерусалима. Слова μὴ δὴ παραδῶς ἡμᾶς εἰς τέλος означают «не забудь нас навсегда». Временной компонент здесь, несомненно, присутствует. Неочевидно, однако, что речь идет именно о «последних временах», скорее – о том, чтобы Бог вспомнил о пленных иудеях *сейчас*.

Мы выбрали эти места для детального анализа потому, что именно в них, по мнению Рёзеля, τέλος «однозначно обозначает

конец времен». Анализ показывает, что, на самом деле, в четырех из пяти мест *τέλος* вообще не имеет временного значения, а в пятом – имеет, но не факт, что речь идет именно о «последних временах».

Аналогичная картина имеет место и в других случаях употребления *εἰς τέλος* в Септуагинте (Gen. 46: 4; Num. 17: 28; Deut. 31: 24, 30; Jos. 8: 24; Jos. 10: 13, 20; 1 Chr. 28: 9; 2 Chr. 12: 12; 2 Chr. 31: 1; Jdt. 7: 30; Jdt. 14: 13; 2 Ma. 8: 29; Ps. 9: 7, 19, 32; Ps. 12: 2; Ps. 15: 11; Ps. 17: 36; Ps. 43: 24; Ps. 48: 10; Ps. 51: 7; Ps. 67: 17; Ps. 73: 1, 3, 10, 11, 19; Ps. 76: 9; Ps. 78: 5; Ps. 88: 47; Ps. 102: 9; Job 6: 9; Job 14: 20; Job 20: 7, 28; Job 23: 3, 7; Sir. 10: 13; Sir. 12: 11; Amos 9: 8; Hab. 1: 4; Ezek. 15: 4, 5; Ezek. 20: 40; Ezek. 22: 30; Ezek. 36: 10; Dan. 3: 34; Dan. (Th.) 2: 34; Dan. (Th.) 3: 19). Помимо Септуагинты для анализа нами были привлечены другие корпуса иудеоэллинистической литературы: Иосиф Флавий (выражение *εἰς τέλος* встречается 8 раз) и Филон Александрийский (2 раза).

В большинстве случаев значение этого выражения не имеет временного компонента и приблизительно соответствует русскому «полностью, совсем, напрочь». Даже там, где в семантике *εἰς τέλος* можно усмотреть временной компонент, эсхатологические оттенки не очевидны.

Таким образом, предположение о том, что «эсхатологическое» прочтение подзаголовков к псалмам может восходить не к христианским интерпретаторам, а к самой эпохе перевода, противоречит не только классическому словоупотреблению (о котором говорил Питерсма), но и иудеоэллинистическому словоупотреблению.

Литература

- Gruber Mayer I. *Rashi's Commentary on Psalms*. Philadelphia, 2007.
- Pietersma A. *Septuagintal Exegesis and the Superscriptions of the Greek Psalter* // *The Book of Psalms: Composition and Reception* / ed. P. W. Flint, P. D. Miller, and A. Brunell. Leiden, 2005. P. 443–75.
- Pietersma A. *Exegesis in the Septuagint: Possibilities and Limits (The Psalter as a Case in Point)* // *Septuagint Research: Issues and Challenges in the Study of the Greek Jewish Scriptures* / ed. W. Kraus, R. Glenn Wooden. Atlanta, 2006. P. 33–46.
- Rösel M. *Die Psalmüberschriften des Septuaginta-Psalter* // *Der Septuaginta-Psalter: sprachliche und theologische Aspekte* / Herausgegeben von E. Zenger. Freiburg, 2001. S. 125–148.

- Rösel M. Towards a “Theology of the Septuagint” // *Septuagint Research: Issues and Challenges in the Study of the Greek Jewish Scriptures* / ed. W. Kraus, R. Glenn Wooden. Atlanta, 2006. P. 239–252.
- Ziegler J. (ed.) *Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum* XI. 4. Iob. Göttingen, 1982.

M. G. Seleznev, A. V. Shelushpanov. On the eschatology of the Greek Psalter: debates on the meaning of the expression εἰς τὸ τέλος

The article deals with the recent discussion in the field of the Septuagint scholarship (mainly between A. Pietersma and M. Rösel) on the meaning of the expression εἰς τὸ τέλος in the superscriptions of the Greek Psalter. In the Hebrew Psalter superscriptions like this were mostly either performance directions, or directions with instrumentation, using specific musical terminology. The Septuagint translators were obviously unfamiliar with this terminology, which resulted in a series of rather enigmatic renderings. The Fathers of the Greek church read some of the superscriptions of the Greek Psalter (including εἰς τὸ τέλος) from an eschatological perspective. Was this the meaning intended by the translators themselves? Or should we treat this eschatological interpretation as a later phenomenon irrelative to what the translators themselves thought?

Analysis of how the word τέλος was used both in the Septuagint and in the literature of the Hellenistic Judaism speaks rather against the suggestion that the eschatological interpretation was intended by the translators themselves.

Keywords: the Bible, Septuaginta, Hebrew, Greek, translation, eschatology, Psalter.